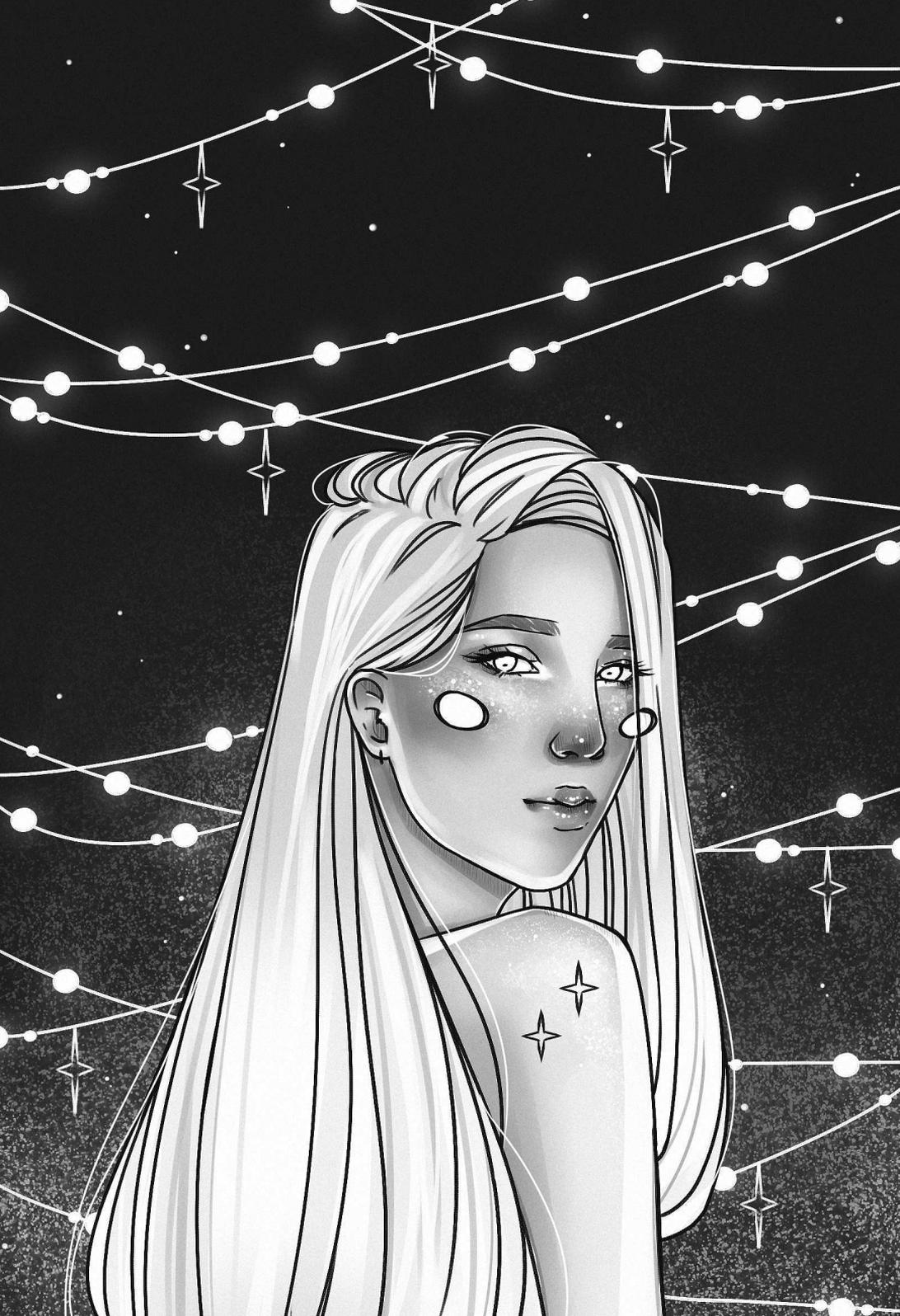

ПЛЕЙ-ЛИСТ

- Maroon 5 — «Memories»
- Lewis Capaldi — «Someone You Loved»
- Ed Sheeran — «Perfect»
- Sam Fischer — «This City»
- Sam Smith — «I'm Not the Only One»
- John Legend — «All of Me»
- James Arthur — «Falling Like the Stars»
- One republic — «Apologize»
- Gnarls Barkley — «Crazy»
- Dan +Shay ft
Justin Bieber — «10,000 hours»
- The Chainsmokers,
Coldplay — «Something Just Like This»
- Maroon 5 — «She Will Be Loved»
- Adele — «Rolling in the Deep»
- Ed Sheeran — «Shape of You»
- Shawn Mendes — «Mercy»
- Birdy — «Skinny Love»
- Harry Styles — «Sign of the Times»
- Taylor Swift — «Love Song»
- Joel Adams — «Please Don't Go»
- Lovelytheband — «Broken»
- Beyoncé — «Halo»
- Lauren Daigle — «You Say»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

L'esprit cherche et c'est le cœur qui trouve.

George Sand

Разум ищет, и только сердце находит.

Жорж Санд

Глава 1

ЭСТЕЛЬ

2016 год

Марион без стука врывается в мою комнату:

— Знаю, что твоих друзей-неудачников дома не кормят. Но если они еще раз съедят весь мой шоколад, я расчленю каждого и закопаю в лесу.

Ее гневную тираду прерывает звонок телефона.

Взглянув на экран, я специально делаю робкое выражение лица и смотрю ей в глаза, намекая: «Тебе пора». Но она лишь складывает руки на груди и приподнимает идеально выщипанную бровь, словно говоря: «Мы еще не закончили».

Я подношу телефон к уху и, не сдерживая улыбки, произношу:

— Привет, Алекс!

Марион опускает руки и переминается с ноги на ногу. Секунду она выглядит растерянной, но быстро берет себя в руки.

— Как дела, малявка? — раздается на том конце.

— Все было бы намного лучше, если бы ты, братец, вчера не слопал весь шоколад нашей сводной сестрички. Эта жадина угрожает разорвать тебя на кусочки, — самодовольно тараторю я и ехидно улыбаюсь.

Марион меняется в лице. Конечно, одно дело, если шоколад съели мои друзья-«неудачники», и совсем другое, если это сде-

лал Алекс. Он подобен королю, ему добровольно отдадут весь шоколад мира и будут с восхищением наблюдать, как он его поедает. Есть люди, которым можно все. И есть Алекс, которому можно абсолютно все.

— Я этого не говорила, — кричит Марион, резким движением поправляя свои каштановые волосы.

Ее зеленые глаза смотрят на меня с нескрываемым раздражением. Она красивая, стоит признать. В ней есть что-то кошачье, притягательное, но отвратительный характер и манера общения не дают проникнуться ее положительными качествами. Дома она воеет, как сирена, а на людях — лапочка, леди, недоделанная аристократка, чтоб ее...

От крика Марион звенит в ушах. Алекс начинает смеяться: наверняка представил себе мое перекошенное лицо.

— Заеду за тобой в течение часа, поужинаем с мамой. Спустишься? Не хочу подниматься, — по-прежнему смеясь, спрашивает он.

— Не хочешь подниматься? — громко переспрашиваю я и в упор смотрю на Марион. — Интересно почему?

Не скрывая сарказма и не отводя взгляда, приподнимаю бровь, делая вид, что слушаю ответ Алекса, и произношу:

— Да, одолжу тебе свои беруши.

Марион фыркает и, задрав нос до потолка, покидает комнату, громко хлопнув дверью.

— Эль, ты растешь стервой, — со смешком говорит мой братец.

Кладу трубку и, улыбаясь, иду к шкафу выбирать наряд для нашей встречи. «Растешь стервой», — прокручиваю в голове. Наверное, так и есть. Мой характер вполне можно назвать скверным, но в этом виновата не я одна. Думаю, немалую роль сыграла атмосфера в семье. Я, конечно, очень люблю Антуана и Луизу. Первый претендует на звание самого заботливого отца, вторая — на роль самой понимающей и любящей матери.

И я им очень благодарна за все хорошее, что они для меня сделали, но... Есть парочка но.

Насколько мне известно, у мамы с папой нетривиальная история любви. Они познакомились в юном возрасте, на выставке тогда еще не особо известного, но талантливого, перспективного художника Жан-Люка Форестье*. Антуан и Луиза приближались к порогу совершеннолетия, Жан-Люк опережал их всего на пару лет. И, как однажды мне призналась мама, она влюбилась с первого взгляда... в каждого из них. Впрочем, это заявление требует маленького уточнения. Ее сразу же покорила талант Жан-Люка, его невероятные работы. А вот девичье сердце покорила мой папа — юный аристократ Антуан дю Монреаль. С тех пор прошло более тридцати лет, в течение которых они успели дважды вступить в брак друг с другом и дважды развестись. Да-да, первый раз они развелись через год совместной жизни. Им было по двадцать два, и, как оказалось, они были не готовы стать семьей. Но у судьбы имелись свои планы на их счет. После развода мама узнала, что беременна, и эта новость произвела настолько сильное впечатление на них обоих, что они вновь сошлись. А спустя девять месяцев познакомились с Александром-Антуаном дю Монреаль, или просто Алексом — моим старшим братом, занозой в одном месте и обладателем самого тупого, но невероятно заразительного юмора. Так как мои родители были очень молоды и не готовы к такой ответственности, как ребенок, воспитанием Алекса занимались все: бабушки и дедушки, тети и дяди. Если выражаться точнее, все его просто баловали. Он был любимцем в семье, и каждый считал своим долгом исполнить любой его каприз. В какой-то момент отец повзрослел, как выразилась моя бабушка, и взял воспитание сына в свои руки, но это мало что измени-

---

* Данный художник является вымышленным.

ло. Алекс был и остается большим и несерьезным ребенком. Мне иногда кажется, что я старше его, хотя ему тридцать, а мне — всего пятнадцать.

Второй раз моих родителей хватило дольше чем на год: они четырнадцать лет жили под одной крышей, делая вид, что воспитывают Алекса, вдохнувшего новую жизнь в их брак. Но либо эта жизнь была недостаточно насыщенной, либо Алекс слишком повзрослел. В четырнадцать лет его отправили в школу-пансион, а сами повторно развелись. Но через девять месяцев после развода, решив не нарушать «добрую» семейную традицию, на свет появилась я — Эстель-Элеонор дю Монреаль.

Будучи еще маленькой девочкой, я поняла, что моему семейному древу может позавидовать сама королева Англии. По крайней мере, так говорила бабушка Элеонор, в честь которой я получила второе имя. Еще я осознала, что чудеса происходят лишь однажды. Конечно, если вам очень повезет, судьба смилуется и может подарить второй шанс. Но третьего точно не будет. Итак, мои родители развелись второй раз, и уже ничто не могло им помочь, даже рождение второго ребенка. Они лишь договорились о моем совместном воспитании. На этом история их любви закончилась и начались новые. Спустя какое-то время мама вышла замуж за ранее упомянутого Жан-Люка, а папа женился на невыносимой бестии по имени Мари. Так моя жизнь разделилась на две семьи и два дома.

От Жан-Люка вечно пахнет красками и ацетоном. Еще у него всегда до ужаса задумчивый вид. Он считает, что обязан творить историю, вносить в мир безнадежного современного искусства нечто тонкое и изысканное. А мама воспринимает себя его музой. Его успех — это ее успех. Она готова жить среди паров ацетона и красок с блаженной улыбкой на лице и не спать вместе с ним, просиживая ночи напролет в мастер-

ской. Она, как и он, порхает в облаках, не думая о суете этого мира. Когда я смотрю на них, у меня появляется мысль, что любовь к деятельности определенного человека может быть важнее любви к нему самому. Поясню. Мама была без ума от моего отца, но ревновала его ко всему: к работе, друзьям, даже к родственникам. Ей хотелось, чтобы все его время принадлежало лишь ей одной. Отсюда обиды, срывы, непонимание и все, что приводит к неминуемому разводу. Отцу же в наследство досталась разоренная транспортная компания, и он очень много работал, чтобы выплыть из долгов и поднять фирму на новый уровень. Это сейчас он заключает миллионные сделки, но вначале все было по-другому. Луизе неинтересна его работа, она никогда не вникала в его проблемы. А с Жан-Люком дела обстоят иначе. Она влюблена в его дело и так же, как он, готова положить свою жизнь на достижение поставленных им целей. Они поженились десять лет назад, и с тех пор в их доме не было ни одной ссоры.

Жан-Люк никогда не пытался заменить мне отца. Он, скорее, является моим хорошим другом. Антуан же действительно выполняет обязанности самого лучшего папы на свете. Даже когда нас разделял океан. Я долго жила в Нью-Йорке вместе с мамой и Жан-Люком. Папа остался в Париже и, несмотря на работу, отнимавшую все время, чаще мамы справлялся о моей успеваемости в школе и при необходимости нанимал репетиторов, чтобы я не отставала, поддерживал любые мои начинания. Антуан серьезен, Луиза легкомысленна. Она никогда не проверяла мой дневник, часто выступала соучастником прогулов. Вообще, жизнь в ее представлении проста: что хочешь, то и делай. Антуан считает такое воспитание неподходящим для современных детей, которым придется выживать в жестоком конкурентном мире. Но для моей мамы он отнюдь не жестокий. Она красивая, умная, уверенная в себе и всегда веселая. Ей все дается легко, я тоже хочу быть такой. Ведь

другие взрослые — серые, уставшие, замкнутые — не вызывают вдохновения! Мама же — фейерверк. Сдается мне, именно это качество отец любил в ней больше всего, но, сам того не замечая, своими поучениями чрезмерно воспитывал ее и тушил этот огонек. Прозвучит банально, но они не созданы друг для друга. Каждый раз удивляюсь, вспоминая, что когда-то их объединила большая яркая любовь. Об этом мне поведала все та же бабушка Элеонор. Она с сияющими глазами рассказывала, как Антуан ухаживал за Луизой и насколько эти «дети» были счастливы вместе. Я же, видя, как они постоянно спорят, начинаю сомневаться в том, что одной любви достаточно. Струна между ними бывает натянута до предела. Но папа всегда уступает: стоит маме показать, что она расстроена, как он успокаивается, и ему становится совестно. Луиза говорит: женская сила заключается в слабости. Это наталкивает на мысль, что она манипулирует отцом, а он, если и догадывается о ее мотивах, ничего не может с собой поделать. Ему категорически не нравится ее расстраивать.

Мы долго жили в разных концах света, но я знала, что так будет не всегда. В один прекрасный день Жан-Люк решил переехать в Индию, точнее на Гоа, в поисках вдохновения. Разумеется, они с мамой не видели в этом проблемы. Я лишь должна была собрать свои вещи, переехать вместе с ними, учиться на дому с репетиторами и радоваться жизни. В тот момент я осознала, почему мой папа возмущается, контактируя с этой сумасшедшей парочкой. Я попыталась объяснить, что у меня три последних важных года в школе и все мои друзья живут на Манхэттене. Но мне отвечали с улыбкой и энтузиазмом: «Эль, детка, это же так здорово! Ты заведешь новых друзей, увидишь новую страну, проникнешься невероятным местным колоритом. Ты ведь так любишь индийскую кухню!» Мне хотелось орать. Какая, к черту, кухня?! Парень из параллельного класса позвал меня на свидание, и в школе скоро осенний бал!

Я стала фотографом в газете, и вообще все мои мечты едва начали сбываться. Но мне сказали, что в моей жизни будет еще много разных парней и нужно смотреть на ситуацию шире. Сейчас жизнь дает великолепный шанс!

Недолго думая, я позвонила папе. Рассказав обо всем, стараясь не слишком сгущать краски и не жаловаться на маму, я спросила, могу ли пожить с ним. Я была готова переехать в Париж, но не на Гоа. Мама сначала хотела обидеться на меня, но я не позволила.

— Ты делаешь, что хочешь, — глядя ей в глаза, произнесла я. — И я делаю, что хочу. Даже не думай обижаться, твои манипуляции работают только с папой.

Повисла тишина. Мне стало казаться, что я перегнула палку, но мама неожиданно расхохоталась, обняла меня, назвала «своей дочерью» и отпустила в Париж. Так в возрасте пятнадцати лет я села в маленький частный самолет отца, который через несколько часов приземлился в небольшом аэропорту Парижа — Бурже. И началась моя новая, французская, жизнь.

В тот момент я испытывала смешанные чувства. Когда тебе пятнадцать, переезжать в другую страну и идти в новую школу — довольно серьезное испытание. В старой школе я пользовалась популярностью. Модная француженка из богемной семьи — таковы были мой имидж и визитная карточка. Много друзей, планы на каждые выходные — в общем, жизнь была ключом. Переезд словно отбросил меня назад. Во-первых, мне казалось, что я хорошо говорю по-французски, но скоро выяснилось, что лексикон моих родителей сильно отличается от тех словечек, которые используют местные подростки. Во-вторых, в парижской школе никого не удивишь французской модой. В-третьих, возникла проблема в лице сводной сестры. Если Мари — нынешняя жена моего отца — была президентом «всемирной ассоциации стерв», то ее дочка Марион занимала

должность зама. Она была одной из самых популярных девочек в школе и сторонила меня. Однажды Марион устроила грандиозную вечеринку, пока родители отсутствовали. На следующий день она разболтала всем, что я наябедничала о ее поступке отцу и больше никаких вечеринок в нашем доме не будет. А кого подростки ненавидят больше всего на свете? Правильно, ябед! В категорию которых я угодила из-за Марион. А ведь я не просто ничего никому не рассказала о вечеринке. Я, черт возьми, помогла устранить ее последствия. Но жизнь несправедлива, это был мой первый урок. Я встретила удар с достоинством, на которое только была способна: высоко подняв голову, ходила одна по коридорам новой школы, не разговаривала с сестрой и не лезла в ее компанию. Чтобы справиться с одиночеством, я начала вести дневник, где изливала душу. Очень скоро вокруг меня образовался ореол загадочности. Люди сами начали подходить, знакомиться, интересоваться. Только друзей среди них я не видела.

Своего первого друга я нашла во время общей лабораторной по химии. Им стал Лео. Наш дуэт и химия оказались несовместимыми элементами, в прямом смысле слова. Через десять минут после начала лабораторной из нашей колбочки повалил такой вязкий вонючий дым, что учительнице пришлось эвакуировать класс. Она в бешенстве влепила нам по нулям и оставила на два часа после уроков. Этот факт послужил отличным началом дружбы. Лео был ниже меня ростом, с мягкими чертами лица, усеянного подростковыми прыщами, которые не прибавляли ему уверенности. У него имелась своя компашка из числа изгоев, куда входили Валентин, Габриэль и Софи. Скоро я стала частью этой компании, и меня абсолютно не волновало, что я занимаю самые низкие ступени на социальной лестнице школы. У меня были друзья, повернутые на роке, сумасшедшие и очень веселые. Они быстро научили меня всем французским ругательствам

и показали клевые места в Париже. Казалось, жизнь стала налаживаться.

Мое увлечение фотографией не прошло, а, напротив, росло с каждым днем. Заметив это, папа решил сделать мне подарок. Мы отправились в магазин, где он купил сразу две камеры: винтажную пленочную и цифровую. Мы вместе выбирали объективы, сумки и прочие мелочи. Это был прекрасный день, несмотря на то что нам пришлось вернуться домой к двум мегерам. С Марион мы по-прежнему не разговариваем, с Мари обмениваемся короткими фразами. Каникулы я провожу с мамой на Гоа. Они с Жан-Люком увлеклись буддизмом, меня эта тема тоже заинтересовала. Я продолжаю вести дневник, в котором все чаще мелькают смешные истории из жизни.

Жалею ли я о переезде? Конечно, нет. Он открыл мне глаза на многие банальные, но важные жизненные аспекты. Например, что не стоит гнаться за популярностью. Ведь неважно, сколько людей о тебе знают, если среди них нет ни одного верного друга. Так что я ни о чем не сожалею. Ведь теперь я живу в самом прекрасном городе мира, который меня вдохновляет. Недавно даже захотелось написать книгу, взяв за основу свою жизнь. Напечатав пару листов, я поняла, что на данный момент это и есть вся моя история. Что ж, не густо... Творчество было на время отложено, документ переименован в «Сумасшедшую историю» и сохранен на жестком диске наряду с прочей чушью, которую я иногда набрасываю. Но однажды я напишу автобиографию или подростковый роман, опишу в нем свой Париж, любимые кафе и улочки, придумаю идеального парня, в которого вместе со мной влюбится каждая девушка, открывшая эту книгу...

«Дзинь», — СМС от Алекса вырывает меня из водоворота мыслей. Он пишет: «Внизу через 10 мин.». «Бегу, братишка», — думаю я, отмахиваясь от воспоминаний и на ходу натягивая чистую футболку.